

Посвящается Олегу Вите

Всё боится времени, а само время боится пирамид.

Египетская пословица

Часть вторая

ПИРАМИДЫ РОСТА

Вале казалось, что на фоне ужасов весны 1995 года, посреди голодной воюющей страны, она всё-таки прибилась к надёжному берегу. Во-первых, добытая потом и кровью квартирка в Москве. Во-вторых, вытащила из лап насилия и унижения мать, хотя бы в пятьдесят шесть начавшую жить по-людски.

В-третьих, отвоевала у наркотиков Вику. В-четвертых, тащила на себе целительский «Центр «Валентина», пока другие депрессовали, размазывая по щекам слёзы и сопли. В-пятых, упала в объятия Виктора, которого девять лет считала несбыточной мечтой.

Однако за матерью был нужен глаз да глаз. Вика требовала яркого наполнения жизни, угрожая сорваться. Работа выматывала так, что вечером Валя падала от усталости, а по утрам вставала с упрямством ваньки-встаньки, ничуть не отдохнувшей. Да и Виктор не находил времени, чтоб хоть почаще звонить и спрашивать: «Как поживаешь, ласточка моя?»

В этих предлагаемых обстоятельствах Валя ни за что не пошла бы на семинар по литотерапии, если б Вика не принесла сорванное со столба объявление и не заныла, что ей это жизненно необходимо. Видите ли, Юкка рассказывал ей в Хельсинки о магических свойствах камней такое, что шаманский бубен по сравнению с ними — детская погремушка.

Родившаяся и росшая на Каменоломной улице неподалёку от щебёночного завода, Валя панически боялась камней. Ведь когда умирал кто-то из работавших «на щебёнке», в словарный запас соседей стаей птиц налетали слова «гранит, габбро, мрамор, амфиболит, известняк». Громяхающие самосвалы возили на щебёночный завод глыбы с этими названиями, и партком с месткомом решали, какую из них пожертвовать на могилу.

Ударникам коммунистического труда доставался гранит, работникам поплоше — непрочный известняк, а начальству заказывали плиты из мрамора. Вокруг этого бушевал фольклор типа «не дорости тебе до гранита», «вкальвай, не вкальвай, ляжешь под известняк» и т.д. Выйдя из деревянного, лесного, травяного и тряпочного мира, Валя относилa камни к свите смерти и старалась держаться от них подальше.

А Соловецкий камень, на открытие которого водила Юлия Измайловна, поразил её так, что потом, проезжая мимо Лубянской площади, Валя сдерживалась, боясь прилюдно разрыдаться. Ведь он был про деда и бабушку. Про их неоплаканную трагедию. Да и регрессия, в которой Валиного «отца» завалило в прошлой жизни мрамором при взрыве в карельском карьере Рускеалы, подогривала чувство опасности, исходящее от камней.

Семинар по литотерапии проходил в аварийном подвале Большой Полянки. С потолка сыпалась штукатурка, по дороге к сортиру подтекала труба и стояла лужа, а старые лампы дневного света стрекотали как цикады перед грозой. Из-за стены раздавались странные звуки: казалось, там по очереди просыпаются и несутся по игрушечным рельсам сотни игрушечных паровозиков.

Литотерапии обучала немолодая армянка Гаянэ с глазами, в которых можно было утонуть. В зал набилось человек пятьдесят, и пожилой мужчина в допотопной военной рубашке сел в первый ряд и вызвался решить проблему с отвлекающими паровозиками за стеной.

— Они не откроют дверь, — осадила его Гаянэ низким красивым голосом. — Не волнуйтесь, я буду рассказывать громко.

— Кто ж там безобразит? — спросил пожилой.

— Это вьетнамцы отшивают итальянские бренды, — пояснила Гаянэ.

Записывать за ней, держа тетрадь на коленях, было неудобно, но все заскрипели шариковыми ручками по бумаге.

— Раскопки на территории Индокитая и Средиземноморья свидетельствуют о лечении камнями ещё в эпоху палеолита. Позже о литотерапии писали Геродот, Плутарх и Плиний Старший. Целители из разных стран разгадывали, какими ви-

брациями и излучениями заряжены камни, и обменивались правилами их использования, — начала Гаянэ, размахивая большими породистыми ладонями.

— Расскажите, как использовать? — не утихал пожилой.

— Расскажу, — кивнула Гаянэ. — Одни камни толкли в порошок для приёма внутрь, другие носили в украшениях для профилактики, третьи прикладывали к телу на время обострений. В Средневековье литотерапия подверглась в Европе гонениям, духовенство объявляло лечебный эффект камней дьявольщиной, а литотерапевтов приравнивало к колдунам...

— Попы и сюда влезли! — возмутился пожилой.

И Валя подумала, что знает его, в том смысле, что точно такие же мужчины и женщины посещали занятия Льва Андроновича, сидели на семинаре по рейки-терапии, бесконечно записывались на её приём, не за тем, чтоб лечиться, а чтоб порассуждать о методах лечения, в которых разбирались как баран в апельсинах.

— За версту видно, что к ним не пойдут пациенты. Зачем только тратят деньги на учёбу? — спросила она как-то Юлию Измайловну.

— Это их «Будка гласности». Жили тусклой советской жизнью, не смели рта открыть, а теперь объявляют соседям: «Стал целителем, приходите!» — объяснила Юлия Измайловна. — Что пенсионеры? У меня старшекласники говорят: пойду в Чумаки и Кашпировские.

— Они ж на занятиях сидят для виду. Сама половины не понимала, а они вообще ни слова. Просто им дети забаву оплатили.

— Важно не это, важно, что народная медицина, уничтожаемая коммунистами, вернёт свой статус. Европа преследовала за колдовство, СССР объявлял всё непонятное лженаукой, а теперь пишут, что богачи со всего мира ездят лечиться в Индию и Китай, где никто не запрещал их традиционную медицину.

Гаянэ продолжала:

— Тем не менее в Ветхом Завете упоминаются «двенадцать камней», украшающих наперсник Аарона и библейских первосвященников. Наперсник — это нагрудник в облачении первосвященника. Камни на нём в четыре ряда по три: изумруд, гра-

10 нат, аметист, бирюза, агат, оникс, лазурит, сердолик, нефрит, янтарь, хризолит и яшма. И на каждом камне название колен Израилевых, образовавших этот народ.

— Красиво жить не запретишь, — выдохнул с тоской женский голос за спиной Вали и Вики.

— И пока Запад запрещал литотерапию, китайцы продолжали менять камнями энергию в четырнадцати меридианах человека, а индусы, опираясь на астрологию, корректировали камнями здоровье и благополучие, — говорила Гаянэ, расхаживая взад-вперёд в тунике с причудливо вытканными узорами. — Литотерапия включает в себя минералотерапию, кристаллотерапию, металлотерапию, гемотерапию, стоун-терапию, массаж кристаллами и друзой...

— Друзой? — переспросил тот самый пожилой мужчина.

— Это соцветие кристаллов с острыми краями, — остановилась напротив него Гаянэ.

— Щётка, что ли? — спросили сзади.

— «Щётка» — грубо по отношению к такой красоте, хотя переводится с немецкого именно как «щётка», — согласилась Гаянэ.

— Если ею массировать, сдерёшь всю кожу, — подала голос Валя.

— Так и иглы не большое удовольствие, но китайцы втыкают их не больно. С друзой тоже всё решает мастерство. — Гаянэ вернулась к лекторскому маршруту взад-вперёд. — Если вы хотите работать с камнями, то должны почувствовать, понять и полюбить их. Камни наделены способностями диагностировать, лечить, защищать, регулировать энергетический баланс человека. Важно, чтобы камень имел минимальную обработку, огранка и шлифовка отнимают у него часть целебных свойств.

— Украшения же из огранённых, — напомнил женский голос сзади.

— И потому помогают меньше, — кивнула Гаянэ.

— А как же выращенные камни? — продолжал женский голос.

— Выращенные камни — мертвечина. В них нет энергии, лечить ими бесполезно. Они совпадают по параметрам проч-

ности, структуре кристаллов и оттенков цвета, но ни один кристаллограф не может вложить в них душу.

— Как понять, твой камень или нет?

— Чтоб войти с камнем в контакт, сожмите его в ладони и подумайте о своей проблеме или о болезни. Если камень потеплел, отозвался, держите его на теле, пока не начнет мешать. А дальше вас поведет интуиция...

— Туго у меня с интуицией, — недовольно заметил пожилой в военной рубашке.

— Тогда вы напрасно пришли на мой семинар, вся народная медицина построена на интуиции. Люди часто влюбляются в украшение на витрине магазина. Некоторые считают это мещанством, на самом деле их просто «позвал камень».

В голове у Вали мелькнуло, что никогда не хотелось взять в руки Свенос бриллиант, он казался пустой стекляшкой. Впрочем, и остальные драгоценные камни ощущались как горка щебня у барака на Каменоломке. Но ей стало интересно про эту рафинированную Гаянэ, захотелось понять, за кем она замужем, сколько у неё детей, как лечит камнями пациентов в своей роскошной квартире?

— Чтобы достать из камня энергию и понять её свойства, надо представить себя окутанными его эфиром и впитать этот эфир в себя. Образ романтический, но самый точный, — продолжила Гаянэ. — Ведь литотерапия — магия, как и любая другая медицина...

После окончания семинара восхищённая Вика спросила:

— Откуда вы всё это знаете?

— Армяне живут в обнимку с камнями, — улыбнулась Гаянэ. — Свидетельство о рождении Еревана выбито клинописью урартского царя Аргишти I в 782 году до нашей эры, камни-фаллосы стоят в Мецаморе со II тысячелетия до нашей эры. А в 1975 году на территорию монастыря Гегард сорвался со скалы камень в несколько тонн, не задев ни людей, ни постройки, и вежливо улёгся во дворе!

Слушатели обступили Гаянэ.

— У вас, армян, всё необыкновенное, не то что у нас, азербайджанцев! — вдруг с акцентом ляпнул худой носатый парень.

— У азербайджанцев тоже всё необыкновенное — мой муж азербайджанец! — резко обернулась к нему Гаянэ. — И мы в Москве, потому что у него дома меня убьют такие, как ты, а у меня дома его убьют другие такие же! Мы оба скульпторы, но я веду семинары, а он — выбивает надписи на могилах... Ты доволен?

Всем стало стыдно за худого носатого парня, и Гаянэ рядила обстановку:

— Ладно, говори, зачем пришёл? Хочешь камнями лечить?

— Нет, я... — он стоял красный как рак. — У индусов бусы продаю, думал про камни послушать...

— Как зовут?

— Бахрам.

— Телефон напишу, придёшь в гости, муж тебе про камни расскажет. Мы, Бахрам, хорошую комнату снимаем, я тебе люля-кебаб приготовлю, а то уж больно ты тощий!

— Гаянэ-ханум, простите барана... — смешался парень и выбежал.

И в наступившей тишине из-за стены особенно отчетливо зажужжали сотни игрушечных паровозиков, отшивающих вьетнамскими руками итальянские бренды.

Вика была на седьмом небе от семинара и два часа пересказывала его Юкке по телефону. Валю тоже околдовали слова и образ Гаянэ, но она никак не могла разложить услышанное по полочкам, словно побывала на опере на иностранном языке.

Юлия Измайловна уверяла, что в опере не обязательно понимать, про что поют, надо наслаждаться пением и музыкой, но Валя не умела наслаждаться непонятным и тарасилась в темноте зала в либретто. Либретто литотерапии у неё не было, дома драгоценных камней, кроме бессмысленного шведского бриллианта, сроду не водилось.

Подаренные Марком серёжки с бледно-розовыми камушками Вика давненько обменяла на наркоту, а Валя и не поняла, что там были за камни. У матери тем более не было ювелирки. Зачем она, если муж найдёт да пропьёт?

Лев Андронович на занятиях в духовном университете постоянно напоминал, что нужная информация сама найдёт человека, а ненужная спрячется, как ни взламывай информационное поле. Натиск «каменной» темы показался Вале важным, но что-то мешало к ней подступиться.

Покой и защищённость её детства символизировал бабушкин деревянный дом в деревне Берёзовая Роща. И когда в бараке на Каменоломке было так тяжело, что хотелось побыстрее умереть, Валя прижимала ладошки к деревянной стенке, и дерево словно вытягивало боль.

Выстрадавшая матерью отдельная квартира не ощущалась до конца каменной: неуклюжие хрущёвки торчали в городке без специального плана, перемежаясь частными домишками и кусками поредевшего лесочка. Областной центр, где Валя закончила медучилище, был более каменным, более затейливым, со строгим военным порядком домов и старым купеческим центром.

А Москва обрушилась на голову необъятной архитектурной симфонией, и Валя не понимала её, пока не сообразила про принцип колец и не представила себе огромные пальцы, на которых небесный диспетчер вышивает камнями гигантские картины.

Прежде Валя считала ерундой даже стоун-терапию, мол, в массаже нет ничего лучше живых рук, хотя Лев Андронович принёс ей ротапринтную брошюру о китайском массаже камнями. Но Гаянэ сумела одним семинаром оживить и очеловечить каменное, ощущавшееся прежде как энергетические провалы.

На первом этаже Маргаритино дома находился ювелирный магазин «Изумруд», туда Валя с Викой отправились постигать душу камней. Ряды штампованных серёжек и колечек выглядели скучной мишурой, но вдруг в коммиссионном отделе на Валу сверкнул огромный глаз старомодной брошки, и внутри что-то заняло.

— Что за камень? — спросила она взволнованно.

— Аквамарин, — буркнула продавщица, тряхнув фиолетовыми и пепельными прядями взбитых волос.

— А поподробней? — грубовато потребовала Вика.

Продавщица подняла глаза и заулыбалась:

— Ой, я ж у вас вены лечила! Смеялась, что велели есть семечки, лук, чеснок, помидоры и овсянку, а ноги-то болеть перестали.

— Вспомнила вас, — улыбнулась Валя. — Ещё клюкву, лимоны, свёклу. И пешком ходить с работы до Ленинских гор.

— Хожу как приговорённая! — благодарно затараторила продавщица. — Оправа — серебро 875 проба. Застёжка шомпольная. Свердловский ювелирный завод. Сделано в шестидесятые. Не надо вам такое: дорогой как чугунный мост, к тому же из бабкиной шкатулки. Вам лучше посовременнее.

— Дайте в руках подержать, — попросила Валя.

Продавщица подала брошку с витрины и, перегнувшись через прилавок, зашептала:

— Начальство запретило в руки давать! В ювелирный на Ленинском три дня назад пара вошла. Одеты фирменно, типа покупателя. Баба кольцо с крупным рубином померила, да как ломанётся в двери! А мужик охраннику в глаза баллончиком! В тачку прыг, и поминай как звали, а номера перебиты. Продавщицу уволили, на счётчик поставили. Охранник в глазной больнице. Представляете, в какое время живём?

Валю так интересовал камень, что не ответила. Зажала в кулаке, прикрыла глаза и поняла, о чём говорила Гаянэ. Её пробило и околдовало, словно услышала шум водопада и почувствовала, что стоит у прилавка по пояс в воде аквамаринного цвета.

А у колечек и серёжек отрастают плавнички, и они вырываются из тюрьмы стеклянных витрин крохотными золотыми и серебряными рыбками. Стало так хорошо, что не выпускала бы брошь из ладони.

— Берёте? — изумилась продавщица.

— Дорого, — вздохнула Валя.

— Нефига на себе экономить, — встряла Вика.

— Долг платежом красен. С мужчиной своим придите, а я уж его разведу на покупку, — подмигнула продавщица.

— Нет такого мужчины, — пожалала плечами Валя.

— Под лежащий камень вода не течёт. Надо вам стрижечку модную, пряди как у меня покрасить. И по ресторанам. Там

полно бандитов, такую, как вы, не пропустят, — посоветовала продавщица. — Мне-то легко, стою как на выставке — все мужики мои! А вы в своём кабинете одних стариков и нищеводов видите.

Когда вышли из ювелирного, Валя взволнованно призналась:

— У меня получилось с этим аквамарином... Всё как Гаянэ сказала.

— Фигасе! — удивилась Вика.

— Как продавщица такие волосы сделала? В галантерее же только хна да басма.

— Тыришь копирки из учреждения, трёшь ими хаер. От синих синие пятна, от чёрных — пепельные.

— А подушка потом какая? — ужаснулась Валя.

— Подушке шиндец... А ты не знаешь, когда Катя нас снова на телик позовёт?

— Позовёт, — пообещала Валя.

И после визита в ювелирный стала присматриваться к украшениям пациенток, складывавших их на время лечения в стакан. Советовала по конспектам семинара Гаянэ: «Например, у вас синяк на ноге и сердолик в серьге. Приклейте на ночь сердолик к синяку пластырем. Он убирает следы лопнувших сосудов, заживляет открытые раны, снижает температуру. Или, например, давление попробуйте не сбивать таблетками, а носить жемчуг. Ещё можно класть на ночь в стакан воды жемчужные бусы и пить эту воду утром. Жемчуг и воду очищает». Гаянэ словно приподняла перед Валею занавес.

И теперь даже здания, не сильно занимавшие прежде, стали рассказывать ей: смотри, мы живём дольше людей и диктуем им, каков мир сквозь наши окна. Повторяемость наших граней, углов и рёбер формирует ваши мозги. И потому ты одна в своей хрущёвке, другая — в кабинете, третья — когда гуляешь по старому центру. И какой тебе быть, решаем мы, камни.

Валя и без того не понимала: зачем дома строят многоэтажными? Ведь вот сейчас дома над ней — три этажа грязной энергии чужой жизни, сползающей вниз и поглощаемой землёй, как промокашкой. А где-то строят по двадцать этажей, и люди купаются во в двадцать раз более тяжёлой энергии.

Не говоря уже о том, что Юлия Измайловна называет «дурновкусием лужковской архитектуры»: офисы-монстры с бульдозьими мордами, огромные ящики торговых центров, элитные дома сомнительной внешности. А ведь камень, значит, на века, значит, не поправить.

Вика под впечатлением мастер-класса приобрела несколько книг по литотерапии и фантазировала вслух, как заработает и купит Вале и матери ангелов-хранителей — сапфиров, рубинов и изумрудов. Потом приносящих деньги камней зелёных оттенков.

А дальше — горного хрусталя, аметиста и глазковых кварцев, чтоб путешествовать с их помощью во времени и предсказывать будущее. У подаренного Южкой бубна появились бесшумные конкуренты, и Валя с матерью не могли этому нарадоваться.

Как-то Вика достала из коробки с пшёнкой и долго-долго разглядывала бриллиант, подаренный Вале Свеном:

— Брюлик болеет, когда не носят!

— Он мне совсем чужой. Подрастёшь, наденешь, — пообещала Валя.

Да и куда носить? На работу Валя по-прежнему заправляла под одежду подаренные Соней и Юлией Измайловной часукулон фабрики «Заря» с голубым стеклом под цвет глаз. Таким же по цвету, как аквамарин из недосыгаемой броши в витрине ювелирного магазина.

И всё время поглядывала на циферблат сотового телефона, словно там был ответ, когда позвонит Горяев. Но Горяев не звонил. И когда на экране таял столбик зарядки, Валя включала телефон в розетку и приговаривала: «Ну что, забыл нас с тобой депутат?» Точно так же, как прежде говорила подаренной им кукле: «Ну что, забыл нас министр?»

Мать занимала себя охотой на дешёвые продукты на Черёмушкинском рынке и светской жизнью на сборищах секты «МММ», а Вика снова маялась от скуки, ей снова не хватало событий. И Валю это сильно тревожило.

Но вот позвонила Катя:

— Тётка приехала, спиной страдает. Выручай, Валентина! Завтра придёт без денег. Теликом заплачу, в кадр высажу.

— Лучше Вику там куда-нибудь приткни, она прямо заболела телевидением. Все уши мне прожужжала, — после второй съёмки Валя позволила себе перейти с Катей на «ты». — А тётку присылай в три. Только со своей простынёй.

Тётка, конечно, пришла без простыни. Оказалась такой же тринделкой, как её младшая племянница Таня. И, лёжа на простыне этой самой Тани, поливала её с первой секунды лечения:

— Думали, пристроили Таньку к бандиту, можно расслабиться. Танька-то с детства куколка. Губки бантиком. А тут вдруг бандит к ней приходит, говорит, люблю тебя как подорванный, но девчонка от меня беременна. Не трави душу, давай все вместе. Нет, ну, не это самое вместе, хотя кто его знает в наше время... Вместе отдыхать, веселиться. Баня-шмания, дачи-шмачи. Танька ночь порыдала и согласилась. Девчонке этой беременной лет шестнадцать. Длинная проститутка, на каких одежду показывают. Он с проституткой на важные приёмы ходит, а с Танькой на жарчки попроще. Таньке говорит, в койке с тобой хорошо, но показывать надо молодую и тошую, я ж не нищий. Сделал Таньке евроремонт, джакузю поставил, джакузя возьми и провались вниз — дом старый, перекрытия деревянные. Хорошо, никого не прибило, но попал на такущие деньги. Бандитов послал к ремонтёрам, чтоб всех, что джакузю ставили, самих отремонтировали. Одним словом, видно, что Таньку любит!

— А живёт он с кем из них? — не выдержала Валя.

— Ни с кем! Человек он солидный, порядочный, живёт с женой и детьми. Короче, Танька как сыр в масле катается, хоть и вместе с беременной проституткой, а Катька-развалина на телевидении крутится. Катька родителям денег даёт, от Таньки не дождёшься. Приносит, что от бандита останется: фрукты, еду, вино. Катька и семью сына содержит, он по жизни без работы. То считал себя режиссёром, то картинки рисовал... то женился по залёту. А когда девчонками были, Таньке — всё, Катьке — ничего. Говорили, ты старшенькая, обойдёшься! Выросла Катька большим человеком, а Танька — подстилка бандитская, хоть и с хорошим дипломом, — сокрушалась тётка.

Сама Катя нарисовалась через пару дней. И снова без простыни и предупреждения.

18 — Слышь, Валентина! Центр бесплодия нам напрямую про-
башлял, чтоб с каналом не делиться. Снимаем про роды, про
то, про сё, про всё, — устало перечислила она, лёжа на ку-
шетке. — Наплетёшь про роды в воде или на Марсе. Подсадка
из зала вякнет, вам хорошо в воде, другие вообще не знают,
как забеременеть! А тут у нас в кустах рояль, в смысле Центр
бесплодия.

— Не нравится мне в передаче сидеть, — созналась Валя. —
С Зайчиковым душой себя чувствовала.

— Горбушкина поумней Зайчика и так не стрекочет. Одна
проблема, она Горяева уложить хотела, у неё дельце не клеится,
специально его на передачу позвала. Прыгала вокруг, глазки
делала, а ты подошла, бедром качнула...

— Я не бедром качнула, — возмутилась Валя. — Мы с ним
девять лет не виделись. Он был министром, а я в том мини-
стерстве работала.

— Ох, а я думала, ты без роду, без племени! — воскликнула
Катя. — При таком папике мы под тебя передачу про здоровье
слепим, а он оплатит!

— Не мой случай, — огрызнулась Валя.

— Тогда в конце третьей серии причислим тебя к лику свя-
тых. Пойми, Валентина, нормальные люди ведущими практи-
чески не становятся. Дочки, любовницы, блатные сыроежки.
А твои данные закапывать жалко. У тебя серьёзка с Горяе-
вым? — уточнила Катя.

— Да, — сказала Валя и покраснела.

— А у меня с мужиками не клеится. Плохого не хочу, а хо-
роший меня не хочет. Подводку на позавчерашней съёмке
сделала: «Мерою достоинства женщины служит мужчина, ко-
торого она любит!» Горбушкина это так выговорила, будто ей
в рот кусочек говна положили.

— Классно сказано!

— Это Белинский, — усмехнулась Катя.

— А что ты думаешь о Горяеве? — решила спросить Валя.

— Не знала, что был министром. В остальном — практи-
чески хрустальный. Насколько хрустальным может быть де-
путат...